

изъявившие желание посвятить себя педагогической деятельности, должны слушать лекции, «наравне с прочими студентами». Кроме этого, они слушают лекции по педагогике и «имеют особые занятия, приспособленные к будущему их назначению»;

– по окончании университетского курса «учительские кандидаты» должны причисляться на один год к гимназиям для практических занятий.

Норма об обязательности наличия у учителя гимназии университетского образования была закреплена «Уставом гимназий и прогимназий». В документе, принятом в 1864 г., подчеркивалось (§ 26), что преподавать в этих учебных заведениях могли лица, «имеющие одобрительные аттестаты об окончании полного университетского курса и свидетельства о выслушании особого педагогического курса». Это требование было подтверждено и принятым в 1871 г. новым уставом¹². В нем заявлялось (§ 52), что к преподаванию в гимназиях и прогимназиях могли допускаться лица, «имеющие одобрительные аттестаты об окончании полного университетского курса и выдержавшие установленное на звание учителя гимназии испытание».

Таким образом, в числе главных направлений образовательной реформы Александра II было качественное совершенствование начального и среднего образования, существенный рост сети учебных заведений, создание для этого соответствующих условий. «Журнал Министерства народного просвещения» как главный печатный орган в сфере образования того периода уделял этим вопросам необходимое внимание, став для современных исследователей важным историческим источником.

Примечания

¹ См.: Высочайше утвержденное Положение о начальных народных училищах. 1864. Июля 14 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : В 55 т.

- Т. XXXIX. Отд-ние первое. СПб., 1867. С. 613–617.
- ² По поводу нового положения о начальных народных училищах // Журнал Министерства народного просвещения. 1864. Ч. СXXXIII. Отд. IV. С. 29–46.
  - ³ Высочайше утвержденный Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 1864 год. Ноября 19 // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIX. Отд-ние второе. СПб., 1867. С. 167–179.
  - ⁴ По поводу нового устава гимназий и прогимназий // Журнал Министерства народного просвещения. 1864. Ч. СXXXIV. Отд. IV. С. 1–99.
  - ⁵ Материалы по вопросу о приготовлении учителей начальных народных училищ // Журнал Министерства народного просвещения. 1865. Ч. СXXXVI. Отд. IV. С. 1–20.
  - ⁶ Высочайше утвержденное Положение о Молодечненской учительской семинарии. 1870. Марта 17 // Полное собрание законов Российской империи. Т. XLV. Отд-ние первое. СПб., 1874. С. 270–272.
  - ⁷ Высочайше утвержденное Положение Молодечинской учительской семинарии. 1864. Июня 25 // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXIX. Отд-ние первое. СПб., 1867. С. 545–549.
  - ⁸ Григорьев В. В. Исторический очерк русской школы. М., 1900. С. 448.
  - ⁹ См.: Кузьмин Н. Н. Учительские семинарии в России и их место в подготовке учителей начальной школы. Курган, 1970. С. 73.
  - ¹⁰ Материалы по вопросу о приготовлении учителей для гимназий и прогимназий // Журнал Министерства народного просвещения. 1865. Часть СXXXVI. Отд. IV. С. 21–90.
  - ¹¹ Высочайше утвержденное Положение о педагогических курсах. 1860. Марта 20 // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXV. Отд-ние первое. СПб., 1862. С. 256–262.
  - ¹² См.: Высочайше утвержденный Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. 1871 год. Июля 30 // Полное собрание законов Российской империи. Т. XLVI. Отд-ние второе. СПб., 1874. С. 85–99.

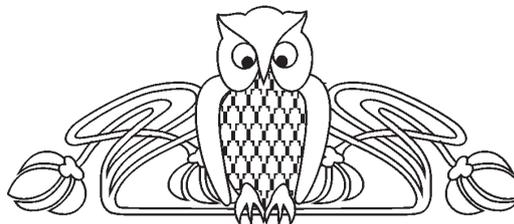
УДК 94(47).083+343.13(470–89)|1902|+929+Балмашев

ДЕЛО СТЕПАНА БАЛМАШЕВА

Н. А. Троицкий

Саратовский государственный университет
E-mail: izdat@sgu.ru

В статье рассматривается один из самых громких судебно-политических процессов в России начала XX в., где был вынесен смертный приговор эсеру С. В. Балмашеву (сыну известного саратовского народника В. А. Балмашева) за убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина – теракт, положивший начало так называемому «центральному террору» эсеров, жертвами которо-

го стали такие столпы царского режима, как еще один министр внутренних дел В. К. Плеве, московский генерал-губернатор вел. кн. Сергей Александрович, главнокомандующий Черноморского флота адмирал Г. П. Чухнин и др.

Ключевые слова: царизм, эсеры, «белый» террор, «красный» террор, суд, казнь.

Stepan Balmashev's Case

N. A. Troitsky

In the article one of the loudest judicial and political processes in Russia in the early XX century is discussed, where the Social Revolutionary S. V. Balmashev was sentenced to death penalty (he was son of the famous saratovnarodnik V. A. Balmashev) for the murder of the Minister of Interior D. S. Sipyagina – terrorist attack, which initiated the so-called «Central terror» of the Social Revolutionaries. The victims were such pillars of the tsarist regime, as another Minister of Interior V. K. Pleve, Moscow governor-general grand prince Sergei Alexandrovich, the Black Sea Fleet Commander Admiral G. P. Chuhnin etc.

Key words: tsarist government, Social Revolutionaries, «white terror», «red terror», death penalty.

26 апреля 1902 г. в Петербурге состоялся судебный процесс, который вызвал сенсационные отклики, прежде всего в столице Российской империи, а также в Саратове, и громким эхом отозвался по всей России и даже за ее пределами. В тот день Петербургский военно-окружной суд рассмотрел дело Степана Балмашева и вынес ему приговор: смертная казнь через повешение.

Степан Валерианович Балмашев был потомственным революционером, народолюбом и тираноборцем. Его отец, Валериан Александрович Балмашев, родился в 1853 г. в семье мелкого саратовского чиновника. С 1874 г., будучи студентом Московского университета, он активно включился в народническое движение, вел пропаганду среди рабочих, 18 апреля 1876 г. был арестован и до февраля 1879 г. содержался в тюрьме, а затем пять лет отбывал ссылку в Холмогорах и в Пинеге Архангельской губернии. В Пинеге он женился на акушерке Марии Николаевне, и 3 апреля 1881 г. (то был день казни главных героев народничества – Андрея Желябова и Софьи Перовской) у них родился сын Степан¹. По одной из версий Балмашев-сын был назван в честь Степана Разина. Однако О. Н. Дмитриева резонно считает более достоверным сообщение саратовского народника И. И. Майнова о том, что Балмашев-отец (с которым Майнов был хорошо знаком) назвал сына «в честь своего ближайшего друга Степана Ширяева» – члена Исполнительного комитета «Народной воли», первого руководителя динамитной лаборатории ИК, т. е. предшественника в этом качестве гениального Н. И. Кибальчича².

Вернувшись из ссылки весной 1884 г. в Саратов с женой и трехлетним сыном, Валериан Балмашев вскоре вновь занялся народнической пропагандой среди местных рабочих и в 1899 г. вторично был арестован и сослан, на этот раз в Вятскую губернию, откуда вернулся в Саратов летом 1902 г. Умер он в Саратове 23 октября 1903 г., через полтора года после того как в Шлиссельбургской каторжной тюрьме был казнен его сын. Похороны Валериана Александровича превратились в многотысячную демонстрацию: по

свидетельствам очевидцев, гроб с его телом провозжали на кладбище массы горожан: «все улицы, тротуары, все было заполнено на большое расстояние, на каждом углу народу все прибавлялось»³. Саратовцы несли за гробом множество венков, в том числе: «Достойному отцу великого сына»⁴.

В одном из писем В. А. Балмашева (от 22 июня 1897 г.), разысканном в архиве Саратовского областного музея краеведения и опубликованном О. Н. Дмитриевой, читаем о его 16-летнем сыне: «У меня сын Стёпка перешел в VII класс (1-й Саратовской гимназии. – Н. Т.). Учится хорошо. Я выхлопотал ему «Кольчевскую стипендию» – 250 руб. в месяц⁵. Так что могу и околеть, не боясь за него: обеспечен до окончания университета. <...> К удовольствию моему, замечаю в нем симпатичные мне черты. Так, по окончании экзаменов он просил меня дать ему ученика или ученицу бесплатную («я не хочу отбивать заработок от бедных, я все же вот получаю стипендию», – добавил он). И теперь он готовит одну девицу, сестру слесаря с железной дороги в сельские учительницы»⁶. По воспоминаниям матери Степана Балмашева, он был чутким и ранимым, очень добрым («не только курицу резать не мог, но и не мог видеть, как другие курицу режут»)⁷.

По окончании Саратовской гимназии, в 1899 г., Степан поступил в Казанский университет, где пережил мировоззренческий кризис. Результат кризиса он сам формулировал так: «Непримиримое, нетерпимое отношение ко всему марксистскому и благоговение перед всем народническим сменилось на разумное, критическое отношение к тому и к другому»⁸. На 2-м курсе он перевелся в Киевский университет, все более тяготая не к идейным исканиям, а к политической борьбе с царским режимом, и здесь принял не просто активное, а руководящее участие в студенческих волнениях. За это 7 декабря 1900 г. он был исключен из университета, а 23 января 1901 г. арестован и после двухмесячного заключения сдан в солдаты. Однако в июле того же года его по состоянию здоровья освободили от военной службы и даже приняли в сентябре обратно в Киевский университет⁹.

Между тем именно в сентябрьские дни 1901 г. только что созданная Боевая организация партии социалистов-революционеров, которая тогда подбирала надежные кадры для задуманных ею террористических акций против столпов царизма, обратила внимание на Степана Балмашева как перспективного боевика и предложила ему войти в ее ряды – сразу «на активную роль»¹⁰. Балмашев согласился и через полгода осуществил по заданию Боевой организации ее первый, сразу вошедший в историю теракт – против министра внутренних дел и шефа жандармов Д. С. Сипягина...

Главный каратель империи («Дикая Свинья», как расшифровывали его инициалы обыватели) Сипягин, по обвинительному заключению эсеров,

«из всех царских слуг и народных угнетателей больше всех просился под пулю. Он запретил печатать в газетах о голоде¹¹, запретил допускать к голодающим кого бы то ни было, кроме чиновников: пусть лучше мрут крестьяне с голоду, лишь бы не проникла к ним вместе с хлебом и правда о социалистах, о народной воле! Он приказал полиции беспощадно избивать всех студентов и рабочих, которые собирались толпами на улицах и требовали, чтобы царь дал народу свободу. Он в одной Москве за такие уличные собрания сразу 100 человек сослал без суда в Сибирь и 700 посадил в тюрьму. На него падет кровь десятков рабочих, застреленных солдатами на Обуховском заводе в Петербурге в мае 1901 г. и в Батуми в нынешнем году».

2 апреля 1902 г. в 13 часов Балмашев в адъютантском мундире с погонами поручика¹² прибыл в карете к подъезду Мариинского дворца (где размещался Совет министров). Войдя в вестибюль дворца, он осведомился у слуг, здесь ли министр внутренних дел, сказав им, что он должен передать министру бумагу от великого князя Сергея Александровича¹³. Узнав, что министр должен быть с минуты на минуту, Балмашев подождал, а когда появился во дворце Сипягин, подошел к министру со словами: «У меня бумага для Вашего высокопревосходительства от великого князя Сергея Александровича». Министр переспросил: «От кого?», и в то же мгновение Балмашев, отступив на шаг, двумя выстрелами в упор смертельно ранил министра, после чего «громко и твердо» заявил «растерявшимся от неожиданности и ужаса слугам: “Так поступают с врагами народа!”»¹⁴.

Таков был, по выражению американской исследовательницы Анны Гейфман, «террористический дебют Боевой организации» эсеров¹⁵. Корифей российской адвокатуры М. Л. Мандельштам подметил, что Балмашев содеял этот дебют «с красивой удалью»¹⁶.

Убийство Сипягина произвело в правящих верхах, как об этом свидетельствовал жандармский генерал А. И. Спиридович, «потрясающее впечатление: власти в полном смысле слова не знали, что, как, откуда и почему»¹⁷. Николай II 2 апреля 1902 г. записал в дневнике: «Печальный день <...> Трудно выразить, кого я потерял в этом честном, преданном человеке и друге»¹⁸.

Русская легальная пресса, кроме немногих рептилий, громко оплакавших «Дикую Свинью», молчала о покушении Балмашева, но бесцензурные отечественные и зарубежные издания разных направлений (к примеру, в Германии – социалистическая «Vorwärts», демократическая «Frankfurter Zeitung», левобуржуазная «Die Welt am Montag», даже правобуржуазная «Berliner Tageblatt») оправдывали, если не приветствовали, его как действенный протест против деспотизма¹⁹.

Между центральными органами партий эсеров («Революционная Россия») и социал-демократов («Искра») разгорелась полемика.

«Искра» утверждала (правда, без каких бы то ни было доказательств), что Балмашев «до самого последнего времени был социал-демократом» и, естественно, «не был социалистом-революционером»²⁰, а «Революционная Россия» и подключившийся к этой полемике независимый орган революционного студенчества газета «Студент» привели бесспорные доказательства, включая заявление самого Балмашева, о его принадлежности к Боевой организации социалистов-революционеров²¹. Главное, «Искра» признавала, что теракт Балмашева «возбудил симпатии всех, кто угнетен и возмущен игом деспотизма, даже принципиальных врагов террора – социал-демократов»²². Впечатление от его теракта было тем сильнее, что Балмашев «не сделал попытки скрыться после убийства Сипягина, принеся тем самым в жертву и себя самого»²³.

Судебный процесс по делу Балмашева был, в своем роде, «генеральским»: председательствовал генерал-лейтенант барон Н. Д. Остен-Сакен, а в роли прокурора выступал другой генерал-лейтенант В. П. Павлов. Оба они, сам-друг, в феврале 1904 г. будут судить создателя и руководителя Боевой организации эсеров Г. А. Гершуни, а Остен-Сакен в августе 1906 г. – еще и З. В. Коноплянникову²⁴.

По авторитетному мнению автора 5-томной «Истории царской тюрьмы» М. Н. Гернета, «в кровавой истории военных судов царизма нет более «прославленного» имени, нежели имя Владимира Павлова – этого палача в мундире генерал-лейтенанта»²⁵. Здесь уместно сказать о судьбе «этого палача»: 27 декабря 1906 г. он был убит рядовым матросом Николаем Егоровым, который на следующий же день (!) был повешен. Николай II на полях доклада военного министра об убийстве Павлова начертал слова горькой скорби о «невознагражденной утрате верного и стойкого человека»²⁶.

На суде перед такими церберами самодержавия, как Павлов и Остен-Сакен, Балмашев вел себя героически. В последнем слове он заявил: «В свою защиту ничего говорить не стану. Хочу только ответить на ваш вопрос о том, кто был моим сообщником, кто мне помогал. Единственным моим сообщником и помощником было русское правительство. Я не отрицаю, что и раньше, еще со школьной скамьи, равно как и в бытность мою в университете, я вел противоправительственную пропаганду, но никогда не стоял за террор и за насилие. Напротив, я всегда был сторонником правового порядка и конституции. Русские министры убедили меня, что права и законности в России нет, что вместо них безнаказанно царят беззаконие, произвол и насилие, против которых можно бороться только силой»²⁷.

Ответ Балмашева на вопрос суда о том, почему, из каких соображений он убил Сипягина, сочувственно цитировался даже в социал-демократическом «Летучем листке»: «Спросите всех

русских людей, почему не убили до сих пор. Почему я убил – для всех слишком ясно»²⁸.

Балмашев знал, что смертный приговор ему неизбежен, и в чисто юридической защите не нуждался. Но авторитетный адвокат был нужен ему для того, чтобы как можно выигрышнее подчеркнуть политический смысл и вес его дела. Поэтому он воспользовался своим правом на приглашение защитника и выбрал Н. П. Карабчевского²⁹. «Балмашев <...> просил меня защищать его, но письмо его не застало меня, я был на защите в Одессе», – вспоминал Карабчевский³⁰. Тогда Балмашев пригласил В. О. Люстига – одного из старейших и наиболее уважаемых адвокатов, который восемь лет подряд, с 1890 по 1897 г. (это рекорд в истории русской адвокатуры), избирался председателем Петербургского совета присяжных поверенных. Вильгельм Осипович Люстиг (1843–1915 гг.) – родной брат народовольца Фердинанда Люстига, осужденного на 20 лет каторги по делу «20-ти»³¹, сам отсидевший два месяца в Петропавловской крепости за участие в студенческих волнениях 1861 г.³², сохранил в глубине души с юности и навсегда нетерпимость к деспотизму и произволу.

В закрытом заседании военного суда по делу Балмашева, жестко контролируемый двумя генералами – главным судьей и прокурором, Люстиг сделал все возможное для своего подзащитного. Он не только вел доверительные беседы с самим Балмашевым, но и встречался до и после суда с его матерью, рассказывал ей: «Ваш сын держался прекрасно, с большим достоинством. Он очень хорошо, убедительно говорил»³³. Защиту, по всей видимости, в принципе согласованную с Балмашевым, Люстиг вел уважительно к личности и убеждениям подсудимого.

Вот как излагала нелегальная печать содержание его защитительной речи: «Защитник Люстиг, признавая виновность своего клиента, в то же время осуждал правительство. Русская жизнь является ненормально тяжелой, особенно для народа. Ничего не проникает в печать, никто ничего не знает. Люди, преданные престолу, во всем винят подпольную пропаганду; с другой стороны, люди недовольные во всем винят верховную власть. Для людей сложившихся и с установленными характерами положение дел не оказывает влияния на их поступки; другое дело – люди, подобные его клиенту. Таким образом, правительство само создает себе врагов и должно вину за катастрофы, как убийство Сипягина, *принять на себя*».

Далее защитник указывал на то, что, «живя в России, не знаешь, каким законам подлежишь. Пусть законы будут строго и неумолимо карать, но необходимо знать, каким законом будут тебя судить. В прошлом году совершеннолетний Карпович предан был гражданскому суду и приговорен к ссылке в Сибирь. В следующем году несовершеннолетний Балмашев³⁴ предается военному суду и карается смертной казнью». Отметим, что

военный суд над несовершеннолетним назначен «без всякого основания», Люстиг просил (как явствует из последующего, – *против воли* Балмашева) «милости к подсудимому»³⁵.

Суд приговорил несовершеннолетнего Балмашева к смертной казни через повешение. В тот же день мать осужденного, Мария Николаевна Балмашева, вероятно, с помощью Люстига (который, естественно, считал своим долгом использовать все предоставленные законом возможности для сохранения жизни своему подзащитному), подала прошение о помиловании сына на «высочайшее имя». Далее, по совокупности данных нелегальной прессы, события развивались так.

Николай II заявил председателю Комитета министров И. Н. Дурново, что он помилует Балмашева, если прошение будет от имени самого осужденного. Дурново поспешил в камеру смертника к Балмашеву и долго уговаривал его подать прошение о помиловании. Балмашев отказался наотрез. «Я вижу, что вам труднее меня повесить, чем мне умереть, – ответил он на все уговоры. – Никаких милостей от вас мне не надо. Одного только прошу: чтобы дали мне веревку покрепче – вы даже и вешать не умеете как следует»³⁶. Дурново потом скажет М. Н. Балмашевой: «У вас не сын, а кремень»³⁷. Впрочем, соратники Балмашева характеризовали его еще выразительнее: «Необычайной целостная натура, как бы вырубленная из одного куска гранита»³⁸.

На рассвете 3 мая 1902 г. в Шлиссельбургской крепости Степан Валерианович Балмашев был казнен. К месту казни он шел в сопровождении жандармского полковника Яковлева, который 3 апреля 1881 г., в день, когда родился Балмашев, сопровождал на казнь Андрея Желябова и Софью Перовскую³⁹. Тот же Яковлев доложил о казни Балмашева командиру Корпуса жандармов в шифрованной телеграмме от 3 мая и в подробном донесении, которое опубликовано Е. Е. Колосовым в 1930 г. Вот его текст: «В дополнение телеграммы за № 81 доношу Вашему сиятельству⁴⁰, что сего числа в 4 часа утра был приведен в исполнение приговор над осужденным государственным преступником из дворян Степаном Валериановым Балмашевым, согласно 963 ст. Уст [ава] уг [оловного] суд [о производства]. За полчаса до совершения казни Балмашеву было предложено – не пожелает ли он видеть священника для напутствия перед смертью, но он отказался, заявив: “Не желаю”, и хотя священник сопровождал его на место казни, Балмашев отказался даже приложиться к св. кресту, сказав: “С лицемерами дела не желаю иметь”⁴¹. По выполнении над ним смертной казни через повешение он оставался не снятым (с виселицы. – *Н. Т.*) 25 минут, после чего, по констатировании смерти врачом вверенного мне управления Рудневым, труп казненного был положен в гроб и сегодня вечером будет предан погребению на месте казни, совершенной на малом дворе Старой тюрьмы»⁴².

То, как вели на казнь Балмашева смотритель крепости, комендант и начальник гарнизона, жандармы во главе с полковником Яковлевым, чиновник судебного ведомства, а потом – как они возвращались с места казни к воротам тюремного двора (но не самую казнь), видели из окон своих камер узники Шлиссельбурга: Вера Фигнер, Герман Лопатин, Николай Морозов, Михаил Ашенбреннер и др. Много лет спустя Вера Николаевна вспоминала: «Когда они вышли из ворот нашего двора, <...> тот, который носил значок судебного ведомства, обернулся лицом к нам, к окнам, в которых не мог не видеть прильнувших побледневших лиц наших. Обернулся лицом широким, хорошо упитанным и улыбнулся... улыбнулся нахально, самодовольно и вызывающе»⁴³.

Е. Е. Колосов так прокомментировал воспоминание Фигнер: «Из рапорта полковника Яковлева мы знаем, что перед самой казнью некий товарищ прокурора Кибирев искушал Балмашева змеиным вопросом, не желает ли он дать какие-либо показания, на что Балмашев ответил ему категорическим отказом и затем до самой смерти не произносил более ни слова. Не этот ли Кибирев был тем самым, со «значком судебного ведомства», о котором пишет В. Н. Фигнер?»⁴⁴.

Кстати, Вера Фигнер запомнила и такую сцену: когда каратели вели Балмашева к виселице, «один из жандармов, по обязанности сопровождавший начальство на место казни, в воротах цитадели, когда надо было переступить порог, схватился за грудь и проговорил: «Ваше благородие, не могу! Увольте! Не выдержу... Не могу...»»⁴⁵.

Теракт Степана Балмашева положил начало т. н. «центральному террору» партии социалистов-революционеров, жертвами которого стали (наряду с прочими) такие столпы царского режима, как еще один, после Сипягина, министр внутренних дел – В. К. Плеве, московский генерал-губернатор вел. кн. Сергей Александрович, петербургский градоначальник В. Ф. фон дер Лауниц, главнокомандующий Черноморского флота адмирал Г. П. Чухнин. Отсчет «центрального террора» эсеров принято начинать именно с Балмашева, поскольку его предшественник П. В. Карпович, отправивший на тот свет 14 февраля 1901 г. министра просвещения М. П. Боголепова, был беспартийным, да и Боголепов не принадлежал к столпам царизма. Главное же, в феврале 1901 г. Боевой организации эсеров еще не было.

Возможные последствия дела Балмашева как начала «центрального террора» российские революционеры прогнозировали по-разному. Эсеры и близкие к ним противники самодержавия, вроде бывшего народовольца В. Л. Бурцева, приветствовали такое начало. «Пропаганда его дела, – писал Бурцев о Балмашеве, – переросла из рук его ближайших друзей в миллионы рук <...> Таким образом, факт так называемого «индивидуального», а не «массового», террора Балмашева

оказался связанным бесчисленными нитями с идейной жизнью страны, более тесно связанным, чем десятки самых удачных массовых стачек и демонстраций»⁴⁶. Но социал-демократы, хотя и одобряли самый факт убийства «Дикой Свиньи», насторожились. Самый авторитетный из них в то время Г. В. Плеханов усматривал опасность для судеб революционного движения в том, что «встретив горячее сочувствие в обществе, «терроризм» стремится сделаться господствующим приемом борьбы, отодвинув на задний план все другие»⁴⁷.

Дальнейший ход событий показал, что, в принципе, плехановские опасения не оправдались – террор не стал «господствующим приемом борьбы» в революциях и 1905, и особенно 1917 г. Но индивидуальный теракт Балмашева стимулирующе повлиял на массовое движение: именно в знак протеста против казни Степана Балмашева 5 мая 1902 г. в Саратове была организована первая за всю историю города уличная политическая демонстрация под лозунгами как эсеров («В борьбе обрешь ты право свое!»), так и социал-демократов («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»). На одном из знамен было начертано имя Балмашева⁴⁸. Среди участников демонстрации был поднадзорный А. И. Рыков (будущий глава Советского правительства), арестованный после разгона демонстрации, но освобожденный до суда «по недостатку улики»⁴⁹. Суду были преданы 15 активистов демонстрации, в том числе П. И. Воеводин (впоследствии видный деятель КПСС, член ВЦИК 5–6-го созывов, Герой Социалистического Труда) и Е. Н. Ошанина (дочь члена Исполнительного комитета партии «Народная воля» М. Н. Ошаниной). Суд вынес арестованным участникам этой *мирной* демонстрации суровый приговор: семь человек, включая трех женщин, были сосланы в Сибирь⁵⁰.

Итак, «господствующим» и решающим средством борьбы в освободительном движении против царизма на заключительном этапе были не индивидуально-террористические, а массовые действия. Главным вершителем трех революций в России стал НАРОД. Но и те его представители – из числа самых преданных и самоотверженных *народолюбцев*, таких как Сергей Кравчинский и Софья Перовская, Петр Карпович и Степан Балмашев, Егор Созонов и Иван Каляев, – которые жертвовали собой, отвечая «красным» террором на «белый» террор царизма во имя народного освобождения, тоже содействовали революционному подъему, хотя и не вполне оправданной, слишком дорогой ценой.

Примечания

¹ См.: Дмитриева О. Н. Письма из фондов Саратовского областного музея краеведения о Степане и Валериане Балмашевых // Освободительное движение в России. Саратов, 2009. Вып. 23. С. 136–139.

- 2 *Дмитриева О. Н.* Письма из фондов... С. 136.
- 3 Там же. С. 140.
- 4 ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1903. Д. 1894. Л. 11.
- 5 Стипендия бедным дворянским детям, которая выплачивалась на доходы с земельного участка саратовского помещика, героя Отечественной войны 1812 г. С. В. Колычева (1791–1836), согласно его завещанию.
- 6 *Дмитриева О. Н.* Цит. публ. С. 138.
- 7 *Смирнов А. И.* Валериан Александрович Балмашев // Каторга и ссылка. 1926. № 2. С. 246.
- 8 Памяти С. В. Балмашева. Сб. Женева, 1902. С. 13–14.
- 9 Подробно об этом см.: *Ракитникова И. И.* К биографии С. В. Балмашева // Былое. 1924. № 24. С. 140–146.
- 10 Памяти С. В. Балмашева. С. 33.
- 11 Речь идет о голоде 1901 г., охватившем десятки российских губерний.
- 12 А не генерал-адъютанта, как сообщает К. В. Гусев в книге «Партия эсеров» (М., 1975. С. 56).
- 13 Сергей Александрович Романов (1857–1905) – вел. кн., дядя Николая II (сын Александра II), московский генерал-губернатор. Убит эсером И. П. Каляевым в Московском Кремле.
- 14 Подробности теракта Балмашева цитируются по обвинительному акту (Памяти С. В. Балмашева. С. 36).
- 15 *Гейфман А.* Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997. С. 73.
- 16 *Мандельштам М. Л.* 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 70.
- 17 *Спиридович А. И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники (1886–1916). 2-е изд. Пг., 1918. С. 127.
- 18 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 244. Л. 66.
- 19 См.: Памяти С. В. Балмашева. С. 23, 29–31; Искра. № 1–52. Полный текст под ред. П. Н. Лепешинского. Л., 1928. Вып. 5. С. 76.
- 20 Искра. Вып. 5. С. 77; Вып. 6. С. 149.
- 21 См.: Революционная Россия. 1902. № 7. С. 5–7; № 11. С. 24; Студент. 1903. № 1. С. 17.
- 22 Искра. Вып. 5. С. 76.
- 23 *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 158.
- 24 Коноплянникова Зинаида Васильевна (1879–1906) – сельская учительница, член партии социалистов-революционеров. 13 августа 1906 г. застрелила кровавого усмирителя декабрьского восстания в Москве 1905 г. генерала Г. А. Мина. Повешена 29 августа 1906 г. Вторая в России женщина (после Софьи Перовской), окончившая жизнь на виселице.
- 25 *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы: в 5 т. 3-е изд. М., 1961. Т. 3 (1870–1900). С. 121.
- 26 Там же. С. 122–123.
- 27 Карпович и Балмашев перед судом. Берлин, 1902. С. 51–52.
- 28 Летучий листок группы «Борьба». 1902. № 1. С. 2.
- 29 Карабчевский Николай Платонович (1851–1925) – один из лучших адвокатов России, «Самсон русской адвокатуры», как называли его современники. Защищал на различных процессах Г. А. Гершуни, Е. С. Созонова, М. Т. Бейлиса.
- 30 *Карабчевский Н. П.* Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 43.
- 31 Процесс «20-ти» (9–15 февраля 1882 г.) – самый представительный из всех (более 80-ти) судебных процессов партии «Народная воля»: суду были преданы 11 членов и 9 агентов Исполнительного комитета партии. Десять смертных приговоров по этому делу вызвали взрыв протеста со стороны международной общественности.
- 32 См.: Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. М., 1927. Т. 1, ч. 2. С. 225.
- 33 *Ракитникова И. И.* Указ. соч. С. 144.
- 34 В день покушения на Сипягина Балмашеву еще не исполнилось 21 года – совершеннолетия по царским законам.
- 35 Убийство трех министров. СПб., 1906. С. 29.
- 36 Балмашев имел в виду общеизвестные факты, когда трое декабристов (К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, П. Г. Каховский) и народоволец Т. М. Михайлов срывались с виселицы и палачи вешали их вторично, а Михайлова – трижды.
- 37 Памяти С. В. Балмашева. С. 37–38.
- 38 Там же. С. 5.
- 39 См.: *Колосов Е. Е.* Государева тюрьма Шлиссельбург. 2-е изд. М., 1930. С. 232.
- 40 Командиром Корпуса жандармов был тогда князь П. Д. Святополк-Мирский. Князей титуловали «сиятельствами».
- 41 В. О. Люстиг передал эти слова Балмашева его матери в иной редакции: «Вы держите крест, а сами человека распинаете» (*Ракитникова И. И.* Указ. соч. С. 145).
- 42 Цит. по: *Колосов Е. Е.* Указ. соч. С. 236. См. также о казни С. В. Балмашева: *Владимиров В.* Очерки современных казней. М., 1906. С. 250–253.
- 43 *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Воспоминания: в 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 204.
- 44 *Колосов Е. Е.* Указ. соч. С. 236.
- 45 *Фигнер В. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 204.
- 46 *Бурцев Вл.* Социалисты-революционеры и народовольцы // Народоволец. 1903. № 4. С. 17.
- 47 *Плеханов Г. В.* Смерть Сипягина и наши агитационные задачи // Соч. 2-е изд. М., б. г. Т. 12. С. 200–201.
- 48 См.: *Мандельштам М. Л.* Указ. соч. С. 70.
- 49 *Гусакова З. Е.* Саратовский период биографии А. И. Рыкова // Советские архивы. 1989. № 2.
- 50 Правительствующий Сенат // Право. 1903. № 7. С. 469–472; № 8. С. 543–547.